

ТРУДМОБИЛИЗАЦИЯ

Однажды нашу маму и тетю Катю вызвали в сельсовет и сказали, что им надо собираться в дальнюю дорогу. Завтра всех заберут в трудовую. «Как же так? – развели они руками. – У нас ведь маленькие дети...»

Нашему младшему братику Вите было тогда четыре года, Элеоноре – чуть больше года, Нине – четырнадцать. А мне только ещё исполнится шестнадцать. Неужели и мне тоже собираться? У тети Кати было трое маленьких ребятшек: старшему Борису – семь лет, Нине – пять, а Вите – три года. Ответ наша мама и тетя Катя получили такой: «Это ваши дети, нас это не волнует! У нас приказ!»

На другое утро на лошадке, запряженной в сани, к нашему дому подъехал комендант и старичок-извозчик. Комендант зашел к нам в дом, открыл дверь нараспашку и скомандовал: «Выходите! Быстро!»

Мама как раз кормила грудью Элеонору. Комендант грубо вырвал у неё ребёнка и швырнул малышку на полати, где мы спали. Все испугались, Витя схватился за ма-

Картина художника Андреаса Предингера «Апофеоз сталинизма»

мину юбку и заплакал, сразу заревели и остальные дети. Тетя Катя, самая бойкая из нас, закричала: «Я своих детей не брошу! Хоть стреляй! Не пойдут!» Комендант молча вынул из кобуры револьвер и направил на неё. Глаза его налились ненавистью.

Мама испугалась, быстро поцеловала детей и выбежала на улицу. Глаза залиты слезами, шла она, как слепая. Руки, ноги, подбородок – вся тряслась, сказать ничего не могла. Следом, шатаясь, как безумная, вышла из дома плачущая

тетя Катя и упала лицом вниз, в сено на санях. Забрали и меня, хотя мне ещё и шестнадцати не было.

Старичок-извозчик вскочил, помог нам сесть в сани и сам чуть не заплакал, только вздыхал, качал головой. Он не имел права голоса против такого государственного зверя в военной форме.

Все дети выскочили на улицу, плакали и кричали, а комендант дал старику приказ: «Отчаливай!» Тот дёрнул за поводья и быстро поехал. Все дети остались с моей четырёх-

надцатилетней сестрёнкой. Когда отъехали подальше, дед сказал: «Я думал, он одумается и оставит матерей с детьми, но, видимо, такой это человек, сердца у него нет...» Извозчик сказал, что ехать до железнодорожной станции нам придётся несколько дней.

Когда мы выехали на шоссе, был такой хороший день! Ярко светило солнце, мороз щекотал щёки, лес у дороги стоял сказочный. Снег искрился, как серебро. Дорога шла чуть на спуск, а у горизонта – в гору. Мы смотрели на эту картину, и вдруг нам показалось, что огромная чёрная змея ползет по дороге. А это по всему пути, друг за дружкой, рысцой бежали лошадки, запряжённые в сани, они везли наших российских немцев в трудовую.

Людей собрали из нескольких районов. Я оглянулась назад, а там такая же картина: за нами тоже ехало много, много людей. Женщины во всех санях режут в голос – и такой рёв стоял над дорогой, что просто жутко становилось на душе.

Рассказ записал
Райнгольд Шульц, Гиссен